

МЫСЛИ О РОССИИ

II *)

Черезъ три часа Рига. Подъѣзжаю къ ней со страшнымъ волненіемъ и въ очень сложныхъ чувствахъ. За годы войны этотъ, всячески чужой, благоразумный городъ медленныхъ, скрипучемозглыхъ латышей, онѣмеченныхъ еврейскихъ купцовъ и офранцуженныхъ нѣмецкихъ бароновъ какъ-то странно сросся съ душой.

Наголову разбитые Макензенемъ, послѣ десяти тысячъ, тягчайшихъ карпатскихъ боевъ, были мы лѣтомъ пятнадцатаго года направлены въ Ригу на отдыхъ и на пополненіе. «Миръ»: — обыденное, ежедневное, съ дѣтства знакомое — впервые предсталъ намъ здѣсь какъ невѣроятное, небывалое, невозможное, какъ чудеса, чудо, мистерія. Чистыя комнаты гостиницъ, громадныя, бѣлыя, облачныя постели, головокружильныя, разслабляющія ванны, наментолённые пальцы парикмахеровъ, тревожные звуки струнныхъ оркестровъ въ ресторанахъ, роскошныя, благоухающіе цвѣты въ садахъ и всюду, вездѣ и надъ всѣмъ непостижимые, таинственные женскіе взоры — все это раскрывалось намъ въ Ригѣ не какъ царство вещей, но какъ царство идей.

Послѣ шестинедѣльнаго отдыха мы были снова брошены въ бой: мы защищали Ригу подъ Митавой (странный, жуткій, фантастическій, мертвый городишка), защищали ее на рѣкѣ «Эккау», упорно защищали у «Олая», отчаянно у треклятой «Корчмы Гаррозень». Подъ нею наша бригада отдала въ плѣнъ свою шестую батарею, подъ нею-же наша, третья, потеряла двухъ доблестныхъ офицеровъ, двухъ прекрасныхъ, незабвенныхъ людей. Всю долгую осень пятнадцатаго года мы стояли

*) «Соврем. Записки», кн. XIV (I).

въ восемнадцати верстахъ передъ Ригой, призрачно существующа на острой грани подземнаго, окопнаго бытія и городской, нарядной жизни, ночныхъ атакъ и симфоническихъ концертовъ, смертельныхъ раненій и мимолетныхъ романовъ, ежедневно проливаемой крови и ежедневно привозимаго изъ Риги вина, упоенія тайною жизни и содроганія передъ тайною смерти.

«Пиръ во время чумы» я впервые понялъ подъ Ригой. Странно-ли, что, подъѣзжая къ благоразумной латвійской столицѣ и слыша, какъ сердце снова взволнованно выстукиваетъ уже забытые было пушкинскіе ритмы: «Есть упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю», я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что Рига родной городъ и родная земля.

Но вотъ поѣздъ тихо входитъ подъ крышу вокзала и, замедляя ходъ, останавливается. Мы съ женой выходимъ на платформу: кругомъ латышская рѣчь, всюду латышскія и кое-гдѣ нѣмецкія надписи. Носильщикъ, подхватившій вещи, разспрашиваетъ о Москвѣ, какъ о какомъ-нибудь Пекинѣ. Человѣкъ въ буфетѣ лишь со второго слова говоритъ по-русски, хотя съ перваго же взгляда отлично видитъ, что мы изъ Москвы. Въ магазинахъ кое-гдѣ, словно въ какомъ-нибудь Берлинѣ, лубезныя надписи «Здѣсь говорятъ по-русски». Всюду въ атмосферѣ, въ манерѣ обращенія (въ какихъ-то неуловимыхъ черточкахъ быта) демонстративно подчеркнутое ощущеніе своей новорожденной самостоятельности и желаніе самобытности.

Въ сущности все какъ будто въ порядкѣ вещей: «Культурное самоопредѣленіе національныхъ меньшинствъ», осуществленіе завѣтнаго тезиса всей русской демократіи, какъ либеральной, такъ и социалистической, а меня все это «самоопредѣленіе» и оскорбляетъ и злитъ. Я понимаю, конечно, что причина этой моей злости и оскорбленія въ томъ, что «самоопредѣленіе Латвіи» осуществлено какъ *отпадъ Прибалтики отъ государства російскаго*, — не какъ утверженіе политической мощи Россіи, а какъ *результатъ ея немощи и паденія*. Но всматриваясь въ себя, я понимаю также и то, что этимъ еще не все сказано. Понимаю, что разгромъ Россійской Имперіи что-то существенно перестроилъ въ моей душѣ, что я уже не тотъ, какимъ я въ пятнадцатомъ году безъ *малѣйшаго угрызения совѣсти* отступалъ отъ Свидника къ Раввѣ Русской, чувствуя, что разгромъ царской арміи не есть еще разгромъ *Россіи*. Величайшая ошибка. Въ латвійской столицѣ я съ непрекаемою ясностью понялъ, что въ дѣлѣ разгрома Россіи всѣ русскіе люди связаны другъ съ другомъ круговою порукой вины и отвѣтственности, и что въ страшную судьбу Россіи каждый

отдѣльный русскій человекъ и каждый социальный слой внесли свою кровавую лепту, свою незамолимую вину. И какъ знать, чья вина тяжелѣе, чья легче? Во всякомъ случаѣ вина демократіи не мала. Десятилѣтіями вслушиваясь въ музыку грядущей революціи, она прослушала единственную музыку завѣщанныхъ Пушкинскихъ строкъ:

«Невы державное теченье,
«Береговой ея грапитъ.

Бродя съ девяти утра до позднего вечера по отчужденнымъ улицамъ Риги, я быть можетъ впервые за годы войны и революціи ощущалъ совсѣмъ новое для меня чувство острой, патриотической обиды, не за народъ русскій, не за идею и не за душу Россіи, а за ея поруганную державную государственность.

Въ свѣтѣ этихъ новыхъ чувствъ какъ-то по новому вспомнились первые дни революціи. Вспомнилось какъ прѣехали къ намъ на фронтъ делегаты свободной Россіи, члены Государственной Думы кадеты И. П. Д-въ и П. П. Г-ій, какъ каждый день по нѣскольку разъ вдохновенные и охрипшіе рассказы вали они и въ окопахъ и въ офицерскихъ собраніяхъ какъ легко, какъ безболѣзненно накренилось и рухнуло зданіе монархической Россіи, какъ никто на его защиту не всталъ и никто о немъ не пожалѣлъ! Правда, П. П. все время почему-то затягивалъ: «Чего-то нѣтъ, чего-то жаль, куда-то сердце мчится въ даль» . . . Но это «чего-то нѣтъ, чего-то жаль», онъ затягивалъ вполголоса и какъ-бы про себя, затягивалъ только такъ.. потому что «изъ пѣсни слова не выкинешь». Пѣснь-же, по единодушному въ тѣ дни настроенію и общему мнѣнію, вся заключалась во второй строкѣ, которую всѣ подхватывали за нимъ уже громко и весело:

«Куда - то сердце мчится въ даль» . . .

Надѣюсь, что я не буду невѣрно понять, если сознаюсь, что въ Ригѣ мнѣ наше «фронтное» исполненіе двухъ строчекъ популярнаго романса вдругъ показалось и очень характернымъ, но и очень стыднымъ.

Нѣтъ, не о павшей монархіи затосковало мое сердце въ Ригѣ, и не отъ революціи оно отрекалось, а просто вдругъ поняло, что было въ первые революціонные дни въ русскихъ душахъ слишкомъ много легкомыслія и въ русскихъ умахъ слишкомъ много легкомыслія. Было у насъ у всѣхъ безъ исключенія вообще слишкомъ легко на душѣ, а должно было быть прежде всего очень отвѣтственно и очень страшно.

Временное правительство съ невѣроятною легкостью приняло бразды правленія, старые, сѣдые генералы, за ними и истинно боевые офицеры съ невѣроятною легкостью отрекались отъ монархіи, вся армія съ невѣроятною легкостью переходила къ новымъ формамъ жизни, толпы сибирскихъ мужиковъ и сотни кадровыхъ офицеровъ съ невѣроятною легкостью записывались въ партію с.-р., большевики съ невѣроятною легкостью проповѣдывали «братанье», делегаты Сов. раб., кр. и солд. депутатовъ съ невѣроятною легкостью произносили противъ нихъ самыя горячія, патриотическія рѣчи, тылы — кухни, обозы, парки, санитарные отряды съ невѣроятною легкостью клялись кровью защищать революцію, полки съ невѣроятною легкостью оставляли позиціи, лучшіе, доблестные офицеры съ невѣроятною легкостью гибли въ добровольческихъ, ударныхъ частяхъ, а правительственные комиссары съ невѣроятною легкостью разрѣшали имъ, гибнуть, однимъ словомъ всѣ съ невѣроятною легкостью стремили свои сердца въ невѣдомую даль, лишь шепоткомъ подпѣвая:

«Чего - то нѣтъ, чего - то жаль»...

Шепоткомъ, про себя, а нужно было не такъ; нужно было всѣмъ, связаннымъ съ прошлымъ, отъ всего сердца и во всеуслышаніе, громко пожалѣть о его гибели, помянуть его добромъ, въ своей любви къ нему мужественно признаться.

Но такихъ настроеній въ тѣ дни не было, и въ томъ, что ихъ не было, было отнюдь не только единодушное пріятіе безкровной революціи, какъ многимъ тогда казалось, а было нѣчто совершенно иное: — ложный стыдъ, отсутствіе гражданского мужества, собственной мысли и ужасная, наследственная стадность.

Всѣ, какъ одинъ, многоголосо суетились вокругъ новорожденнаго младенца, готовясь къ крестинамъ, наперерывъ предлагали имена: социалистическая! — федеративная! демократическая! — и никто не помнилъ, что отъ родовъ умерла мать, и никто не чувствовалъ, что всякая смерть, какъ праведника, такъ и преступника, обязываетъ къ тишинѣ, отвѣтственности и сосредоточенности.

Отъ штаба къ штабу носились красно офлаженные автомобили, скакали красногривыя тройки, всюду вѣяли красныя знамена, всюду красно звенѣли оркестры, взвивались краснорѣчивые тосты и раздавались магическія слова: «за землю и волю», «безъ аннексій и контрибуцій», «за самоопредѣленіе народовъ».

Помню какъ и я скакаль, какъ и я говорилъ рѣчи, какъ самъ кричалъ солдатамъ «смертникамъ», шедшимъ занимать позиціи «за землю и волю», «безъ аннексій и контрибуцій»! Все это я, какъ и всѣ, дѣлалъ съ абсолютною искренностью, съ пренебреженіемъ всякой опасности и съ готовностью на всякую жертву. Намъ такъ важно казалось прокричать это «за свободную Россію», «за землю и волю», «за конецъ послѣдней войны», что мы кричали объ этомъ подъ огнемъ нѣмецкихъ винтовокъ съ брустверовъ передовыхъ окоповъ и въ тылу съ ораторскихъ трибунъ, по которымъ пострѣливали большевики.

На все это мужества было съ избыткомъ, но вотъ на то, что бы взять да во всеуслышаніе и пропѣть: «Чего-то нѣтъ, чего-то жаль», на это его не хватило. Не хватило мужества громко сказать себѣ и другимъ, что кощунственно звать умирать за социальную корысть земли и воли, когда человѣку, чтобы быть похороненнымъ, нужна только сажень земли, что безнравственно офицерской доблести сгибать спину передъ солдатскимъ шкурничествомъ и горлодерствомъ, что не выстраданная, лишь словесная проповѣдь, въ разгарѣ войны, — самоопредѣленія народовъ и меньшинствъ вредна, такъ какъ понятіе *родины*, ея мощи и славы вовсе не гуманно, но священно и строится потому не только правильными и справедливыми точками зрѣнія, но праведными, хотя и несправедливыми страстями и пристрастіями.

Помню какъ всѣ эти мысли неприкаянно маялись у меня въ сердцѣ, когда штабные автомобили носили меня, делегата Ц.И.К. отъ штаба къ штабу, отъ одной позиціи къ другой, отъ митинга къ митингу Однако, кому изъ тѣхъ, кто былъ дѣйствительно съ революціей, я ни высказывалъ ихъ, никто, никакъ не понималъ моихъ сомнѣній. Тѣмъ-же, кто начиналъ сразу же сочувственно кивать головой, я съ полуслова переставалъ ихъ высказывать, получалось совсѣмъ, совсѣмъ не то *Вѣдь никогда-же не былъ я ни противъ земли, ни противъ воли, ни противъ самоопредѣленія.*

Одинъ человѣкъ, впрочемъ, все понималъ. Въ своей гениальной совѣсти, въ справедливомъ, *многогѣрномъ* своемъ сознаніи, онъ всѣ годы войны и революціи несъ живой протестъ противъ односторонности всякой господствующей силы.

Будучи непримиримымъ и принципиальнымъ противникомъ войны, онъ въ качествѣ нижняго чина добровольцемъ прибылъ на фронтъ и дрался съ примѣрною храбростью. Будучи демократомъ и республиканцемъ, онъ всѣ годы царской войны

страстно мечталъ о революціи. Когда она вспыхнула, онъ весь восторженно отдался ей и съ головой ушелъ въ революціонную работу, — работа шла съ невѣроятнымъ успѣхомъ, его влияние на солдатъ и офицерство росло со дня на день. Но чѣмъ глубже онъ входилъ въ революціонную жизнь, тѣмъ глубже душевно отвращался отъ нея. Въ штабѣ комиссарверха онъ уже ходилъ мрачнѣе ночи. Онъ чувствовалъ, что «все не то», что «всѣ не тѣ», что «ничего не измѣнилось». Его перетирали угрызенія совѣсти за всѣхъ и за все, — за солдатское шкурничество, за офицерское самопредательство, за генеральскій карьеризмъ. Онъ хотѣлъ уже какой-то новой революціи въ пользу всѣхъ несправедливо обездоленныхъ этой революціей, — всѣ его симпатіи были на сторонѣ несдавшихся генераловъ, офицеровъ, продолжавшихъ говорить солдатамъ «ты», и солдатъ, желавшихъ во что-бы то ни стало добить нѣмца.

Послѣ большевистскаго переворота онъ, конечно, пошелъ за Корниловымъ. Всѣ нравственныя качества слились для него въ одно — въ храбрость; всѣ нравственныя понятія — въ понятіе національной чести. Изъ его внѣшности окончательно исчезъ русскій интеллигентъ и московскій студентъ. Это былъ офицеръ съ головы до ногъ, который дрался уже не только доблестно, какъ противъ нѣмцевъ, но люто и ожесточенно. Раненый, — онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Приговоренный къ смертной казни, — онъ обжалъ: но не отъ смерти, но только отъ большевиковъ. Уйдя отъ ихъ смерти, онъ пошелъ навстрѣчу своей. Измученный поисками всей цѣлостной человѣческой правды, отчаявшись въ возможности ее найти, онъ самъ прекратилъ свою жизнь . . .

Нѣтъ, не потому пришелъ онъ къ своимъ послѣднимъ, трагическимъ минутамъ, что шелъ неправильнымъ путемъ, а только потому, что на путяхъ своей правды шелъ все время безнадежно одиноко. Рожденный революціонеръ духа, онъ не перенесъ того психологическаго окостенѣнія, которое съ невѣроятною быстротою сковало нашу политическую революцію, не перенесъ лицемѣрнаго пріятія ея со стороны ея вчерашнихъ враговъ, не перенесъ непреображенности ея *внутренняго* чело-вѣка, не перенесъ того, что, подготовленная мучениками и героями, ожидаемая какъ чудо и неожиданно явившаяся, она быстро приспособилась къ злободневности, самодовольно украсилась кумачами и безответственно расплескалась тысячами митинговъ.

Конечно, революціонеры духа не тѣ люди, что призваны строить внѣшнюю жизнь, но если социальная и политическая

жизнь не можетъ строиться ими, то она не можетъ строиться и безъ нихъ. Если-бы всё, что такъ горячо принялись за построение новой Россіи послѣ февральскихъ дней, принялись-бы за это дѣло не рабами революціи, но революціонерами до конца, т. е. людьми, всегда готовыми и на революцію противъ революціи (поскольку она несла съ собой шаблоны и штампы), ихъ постройка шла-бы безконечно медленнѣе, но за то и безконечно свободнѣе, правдивѣе и прочнѣе.

Я хочу сказать, если-бы нашъ генералитетъ не отрекся отъ вскормившей его монархіи, съ тою недостойной легкостью, съ которой онъ отъ нея отрекся — онъ и правительство Керенскаго не предалъ-бы всего только черезъ восемь мѣсяцевъ такъ бездумно и такъ единодушно, какъ онъ его предалъ, и на защиту Совѣтскаго коммунизма не выдѣлилъ-бы изъ своей среды того количества людей, которое онъ, какъ никакъ, все-же выдѣлилъ; если-бы также и все русское офицерство не приняло революціи столь безоговорочно, какъ оно ее въ дѣйствительности приняло, но какъ ее принимать у него въ прошломъ не было достаточнаго основанія, оно-бы, быть можетъ, спасло Россію и отъ страшнаго развала царской арміи, и отъ образованія добровольческой; если-бы депутаты Государственной Думы не радовались въ свое время тому, что монархія пала «такъ совсѣмъ безъ борьбы», Россіи, быть можетъ, не нужно бы было уже сейчасъ снова готовиться къ борьбѣ противъ черной монархіи; если-бы мы всё не подавляли въ себѣ естественнаго патріотизма и не кричали-бы въ тѣ дни «безъ аннексій и контрибуцій», «за самоопредѣленіе народовъ», то эти народы давно были бы подлинно свободны въ нѣдрахъ единой Россіи; Россія была бы, быть можетъ, давно ужъ повѣнчана съ геніемъ своей силы и славы, а не сидѣла бы сейчасъ той провинціальной невѣстой, которая, мечтая выйти замужъ «за интеллигентнаго», рѣшила во что-бы то ни стало заболѣть «деликатною простудой — чахоткой».

Я понимаю, конечно, всю сомнительность и всю воздушность моихъ размышленій. Понимаю, что они при всей своей внутренней серьезности для меня чѣмъ-то очень напоминаютъ извѣстныя размышленія о томъ, что «если-бы, да кабы, да во рту росли бобы, тогда-бы былъ не ротъ, а цѣлый огородъ!». Но что-же мнѣ дѣлать, если такія непродуктивные соображенія неустанно вертѣлись въ головѣ, когда я ходилъ по улицамъ Риги, съ нѣжностью вспоминая войну, которую такъ ненавиждѣлъ, и со стыдомъ революцію, которую привѣтствовалъ . . .

А, впрочемъ, развѣ ужъ такъ безсмысленны размышленія о прошломъ въ сослагательномъ наклоненіи, развѣ они ничѣмъ не связаны съ размышленіями о будущемъ — въ повелительномъ? Для меня въ этой связи весь ихъ смыслъ и вся ихъ цѣнность. Многомѣрности своего сознанія я въ будущемъ ни въ какихъ практическихъ цѣляхъ никогда и ни за что не погашу.

Что же касается прошлаго, то не знаю, посмѣлъ-ли бы я еще пожелать, чтобы оно сложилось иначе, чѣмъ оно въ дѣйствительности сложилось. Осуществись всё «если-бы» моихъ запоздалыхъ упрековъ, Россія никогда, конечно, не докатилась-бы до чудовищныхъ социальныхъ и политическихъ безсмыслицъ ея сегодняшняго существованія, но зато она не прошла-бы и черезъ то откровеніе безумія, черезъ которое ее провела ея судьба

Въ одиннадцать вечера мы вошли въ поѣздъ, отходящій на «Эйджунентъ». При посадкѣ царилъ дикій беспорядокъ. Вагонъ перваго класса оказался отвратительнымъ дачнымъ вагончикомъ изъ тѣхъ, что въ дни нашего господства циркулировали по взморью между Ригой и Туккумомъ. Противъ насъ надутымъ индюкомъ фыркалъ кокой-то отвратительно лимфатическій бѣлесый балтїецъ съ бѣгающими глазками и мокрою экземюю на шеѣ. Онъ сладострастно обхаживалъ сухопарую заплаканную женщину въ траурѣ, съ которой возвращался въ Германію очевидно съ какихъ-то похоронъ. Въ обоихъ все было предѣльно раздражающимъ вплоть до того, что оба ѣхали съ билетами втораго класса въ первомъ, считая почему-то, что это не старое русское жульничество, а послѣвоенная европейская мораль. Оба дышали острою ненавистью къ Россіи, совсѣмъ не считая необходимымъ ее хотя бы отчасти скрывать. Нашъ завязавшійся было разговоръ оборвался на циническомъ признаніи моего собесѣдника, что онъ, русскій подданный, все время войны провелъ въ Англіи шпиономъ въ пользу Германіи, которую очень любитъ и въ которую сейчасъ съ радостью возвращается вмѣстѣ съ женою своего брата, схоронившею въ Ригѣ свою мать.

Вѣдь посадить же судьба этакую Андреевскую фавулу въ одно купѣ съ тобою да еще послѣ цѣлаго ряда горькихъ размышленій о принципѣ самоопредѣленія національных меньшинствъ.

О снѣ не было, конечно, никакой рѣчи. Только что задремлешь подъ монотонный стукъ колесъ: бега . . . ннексій, кон-

три... буцій... и въ полуснѣ засумбурятся жуткія воспомина-
нія о томъ, какъ мы въ Галиціи вѣшали шпіоновъ... какъ
тебя уже будятъ какими-то особо назойливыми фонарями ульт-
ра мундирные представители правомочныхъ республикъ, про-
вѣряя паспорта, багажъ, и — фонарь къ носу — сходство тво-
его лица съ твоей фотографіей. И вѣдь контроль за контро-
лемъ и каждый въ нѣсколько вооруженныхъ человекъ, меньше
трехъ, четырехъ ни въ Литвѣ, ни въ Латвіи не ходятъ. Словно
не мирные контролеры, а развѣдочные посты... Только опять
задремлешь, только опять запоютъ колеса: бега... ннексій...
контри... буцій... и въ утомленномъ мозгу болтнутся лаки-
рованные штиблеты всхрапывающаго на груди у своей дамы
шпіона, какъ уже снова холодъ, фонари въ носъ, паспорта,
багажъ, нашъ суверенитетъ — ваше міросозерцаніе...

И такъ всю ночь, всю ночь, до скучнаго, блѣднаго пасмурнаго
разсвѣта.

Нѣтъ, не понравилась мнѣ латвійская столица Рига!

До границы еще десять часовъ; не сидѣть же цѣлый день въ
шпіонской компаніи и смотрѣть на ихъ блудливую воркотню
подъ крѣпомъ. Всталъ я и пошелъ искать какого нибудь дру-
гого пристанища. Въ сосѣднемъ же вагонѣ оказалось купэ,
занятое всего только однимъ человекомъ, показавшимся мнѣ
очень симпатичнымъ. Большой, молодой, очень хорошо одѣтый,
свѣжій, румяный, чистый, будто только-что всего нянюшка губ-
кой вымыла, очень породистый и все-таки нѣсколько простова-
тый, совсѣмъ не столичный хлыщъ, а скорѣе премированный
симентальскій теленокъ...

Я къ нему: — свободны ли мѣста? Мѣста свободны, но онъ
имѣетъ право на отдѣльное купэ. Его фамилія... Я не оши-
бся: фамилія оказалась дѣйствительно очень древней, очень гром-
кой и очень феодальной.

Начинается разговоръ, и черезъ пятнадцать минутъ мы съ
женой уже сидимъ въ его купэ и разговариваемъ о Россіи. Это
былъ первый разговоръ, который послѣ многихъ лѣтъ войны
и революціи пришлось мнѣ вести съ нѣмцемъ, да еще офице-
ромъ одного изъ очень старинныхъ германскихъ полковъ.

Хотя я уже въ Москвѣ слышалъ о той перемѣнѣ во взглядахъ
на Россію, которая произошла въ Германіи, я былъ все-же
очень пораженъ. Въ Германіи всегда были философы и худож-
ники, внимательно и съ любовью присматривавшіеся къ непо-
нятной Россіи. Помню, какъ одинъ извѣстный профессоръ фи-
лософіи говорилъ мнѣ, что, когда онъ въ семинарѣ имѣетъ
дѣло съ русскими студентами, онъ всегда чувствуетъ себя не-

увѣреннымъ, такъ какъ заранѣе увѣренъ, что рано или поздно начнется публичный допросъ объ абсолютномъ. Помню и изреченіе менѣе извѣстнаго приватъ-доцента, что первое впечатлѣніе отъ русскихъ людей — впечатлѣніе гениальности, второе — недоброкачественности, а послѣднее — непонятности.

Учасъ въ Германіи, я дружественнымъ нѣмцамъ много разъ «исполнительно» читаль русскія вещи. Читаль сцену въ Мокромъ, читаль многое изъ «Серебрянаго голубя», и всегда меня слушали съ громаднымъ напряженіемъ и безусловнымъ пониманіемъ. Какъ-то разъ я послѣ лекціи моего друга, типично русскаго дореволюціоннаго студента, а впослѣдствіи разстрѣляннаго въ Венгріи коммуниста Левине, читаль отъ имени нѣмецкаго «общества нравственной культуры» въ католическомъ Аугсбургѣ, въ воскресенье, во время мессы въ какомъ-то грандіозномъ «Variété», въ которомъ одновременно происходила дрессировка моржей, при цилиндрѣ и бѣлыхъ перчаткахъ «Дружки» Максима Горькаго. Кому все это могло быть нужнымъ, я до сихъ поръ не понимаю. Но очевидно и въ Аугсбургѣ были какіе-то коллекціонеры русскихъ впечатлѣній. Во всякомъ случаѣ какіе-то нѣмцы сидѣли и слушали, а потомъ много меня разспрашивали: „von dem augenscheinlich ganz sonderbaren Land“. Все это было, было уже и до войны нѣкоторое слабое знаніе Достоевскаго и Толстого, патетической симфоніи Чайковскаго и Московскаго художественнаго театра. Но все это было въ очень немногихъ кругахъ, дѣловая же и официальная Германія насъ все-таки такъ же мало уважала, какъ мы ее мало любили. Офицерство-же, съ которымъ я много сталкивался, послѣ японской войны насъ просто напросто презирало. Помню, какъ въ 1907 г. ѣхаль я съ очень образованнымъ офицеромъ генеральнаго штаба тоже по направленію къ Берлину. Боже, съ какою самоувѣренностью разсуждалъ онъ о неизбѣжности столкновенія съ Россіей и какъ предчувствовалъ побѣду германскаго, дѣлага, организующаго начала надъ мистической, безформенной, женственной стихіей Россіи. Мой собесѣдникъ 23-го года былъ офицеромъ совсѣмъ другой формаци. Если-бы въ его рѣчахъ слышался только *интересъ* къ Россіи, только высокая оцѣнка ея *своеобразія*, это было-бы вполне понятнымъ. Русскія событія послѣднихъ лѣтъ навсегда конечно останутся одной изъ самыхъ интересныхъ главъ исторіи 20-го вѣка. Мудрено-ли, что этотъ интересъ уже сейчасъ остро ощущается всѣми тѣми, что смотрятъ на нее со стороны. Вѣдь если намъ трудно ощущать значительность свершающихся событій, потому что они — наши безконечныя

муки, то этого пренятствія для иностранцевъ нѣтъ; они уже сейчасъ находятся въ счастливомъ положеніи нашихъ потомковъ, которые, конечно, много глубже насъ переживутъ всю значительность нашихъ дней, дней, которые для нихъ не будутъ нашими тяжелыми буднями, а будутъ ихъ праздничными, творческими часами, ихъ гениальными книгами.

Но мой собесѣдникъ, не философъ и не поэтъ, а офицеръ и начинающій дипломатъ, ощущалъ Россію совсѣмъ не только интересной и оригинальной народной душой, но большой фактической силой, великой державой, факторомъ европейской жизни, съ которымъ всѣмъ остальнымъ странамъ Европы если не сегодня, то завтра придется очень и очень считаться.

Послѣ мрачныхъ рижскихъ ощущеній, послѣ только-что пережитыхъ чувствъ стыда и вины, я никакъ не могъ понять настроенія моего собесѣдника, которое отнюдь не звучало только его личнымъ и случайнымъ мнѣніемъ...

Какая же мы въ европейскихъ глазахъ можемъ быть сила, когда мы проиграли войну и подписали позорнѣйшій Брестскій миръ, когда въ нѣсколько лѣтъ промотали свою страну до послѣдней нитки, когда терпимъ издѣвательства большевиковъ надъ всѣми національными святынями, когда всѣ вразбродъ взываемъ объ иностранной помощи и не умѣемъ сами себѣ помочь?..

Однако, чѣмъ больше длился нашъ разговоръ, тѣмъ все яснѣе становилось въ чемъ собственно дѣло.

Да, мы проиграли войну, но у насъ были блестящія побѣды. «Если-бы вы имѣли нашу организацію, говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ, вы были-бы много сильнѣе насъ». Нашихъ солдатъ нѣмцы «стадами» брали въ плѣнъ, но въ плѣну они все-таки разсмотрѣли, что бородатые русскіе мужики совсѣмъ не простая скотинка, что они «очень смѣтливы, очень хитры, хорошо поють, а въ веселый часъ по азіатски ловки на работу».

Несмотря на все уваженіе къ Толстому, Европа этихъ русскихъ мужиковъ до войны и до революціи никакъ себѣ не представляла. Народъ русскій былъ для нея еще *не вочеловѣченъ*, онъ сливался съ безкрайностью русской равнины, съ непроходимостью русскихъ лѣсовъ, съ топью русскихъ болотъ... былъ какою-то непонятною, безликою этнографической базой «блистательнаго европейскаго Петербурга» и «азіатскаго курьеза Москвы». Но вотъ грянула солдатская революція, невѣроятная по размаху, головокружительная по темпу; понеслись событія послѣднихъ лѣтъ, обнаруживая въ каждомъ новомъ этапѣ новыя и новыя стороны русскаго народнаго бытія. Съ пер-

выхъ же дней революціи вопросъ Россіи сталъ осью европейской жизни. До паденія Временнаго правительства въ центрѣ европейскаго интереса стоялъ вопросъ о боеспособности русской арміи, послѣ его паденія — вопросъ о заразительности коммунизма. Но и въ первый періодъ и во второй Россія была надеждой однихъ и ужасомъ другихъ. Росли надежды, ростъ и ужась. Россія же въ европейскомъ сознаніи росла и вмѣстѣ съ растущими надеждами, и вмѣстѣ съ растущимъ ужасомъ. Росла и выросла. Столкнувшись послѣ десятилѣтняго перерыва съ первымъ европейцемъ, я это ясно почувствовалъ. Я почувствовалъ не только повышенный интересъ къ себѣ, какъ къ русскому человѣку, который я вмѣстѣ съ моржами вызывалъ и въ Аутсбургѣ, но и уваженіе, какъ къ русскому гражданину; эффектъ для меня совершенно неожиданный.

Германія сейчасъ, быть можетъ, несомнѣнъ Европа, въ ея судьбѣ много общаго съ судьбою Россіи. Но съ этой оговоркой я все-же долженъ сказать, что мое шестимѣсячное пребываніе въ Европѣ, то впечатлѣніе, которое я вынесъ отъ разговора съ первымъ европейцемъ, только усилило.

* * *

Мой собесѣдникъ принадлежалъ къ тѣмъ слоямъ Германіи, которые въ первый періодъ русской революціи очень надѣялись на утерю русской арміей своей боеспособности, а во второй — на буржуазную природу русскаго крестьянства, съ которой никогда не справится большевистскому коммунизму. Разговоръ перешелъ на мужика и уперся въ очень существенный не только для моего собесѣдника, но и для всей Россіи вопросъ: буржуазенъ-ли мужикъ по своей психологіи, или нѣтъ. Сознаюсъ, что на этотъ вопросъ мнѣ было очень трудно дать ясный и односмысленный отвѣтъ. Русскій народнической соціализмъ всегда протестовалъ противъ земельной собственности между прочимъ и потому, что всегда ощущалъ ее какъ основу духовнаго мѣщанства. О марксизмъ и говорить нечего. Въ его представленіи мужикъ — всегда мѣщанинъ, — а пролетарій — аристократъ духа. Все это совершенно не вѣрно. Русскій мужикъ пока еще сомнѣнъ не мѣщанинъ и, Богъ дастъ, не скоро имъ станеть. Основная категорія мѣщанскаго душевнаго строя — самоувѣренность и самодовольство; мѣщанинъ всегда чувствуетъ себя хозяиномъ своей жизни. По своему душевному строю онъ всегда позитивистъ, по своимъ воззрѣніямъ — рационалистъ, потому онъ всегда вѣритъ въ прогрессъ, и если вѣритъ

въ Бога, то какъ въ усовершенствованную обезьяну. Больше всего онъ любитъ солидную гарантированность своей будущности: страховое общество и сберегательная касса — милыя егѣ сердцу учрежденія. Нѣмецкій развитой рабочій, сознательный социаль-демократъ, безъ всякаго сомнѣнія гораздо болѣе типичный мѣщанинъ, чѣмъ русскій мужикъ.

Русскій мужикъ никогда не чувствуетъ себя хозяиномъ своей жизни, онъ всегда знаетъ, что надъ его жизнью есть настоящій Хозяинъ — Богъ. Это чувство своей человѣческой немощи въ немъ постоянно питаетъ его ежедневный крестьянскій трудъ. Въ крестьянствѣ, какъ ни работай, додѣлать до конца человѣку самому все равно ничего нельзя. Хлѣбъ можно посѣять, но его нельзя взростить. Прекрасные по веснѣ луга всегда могутъ къ покосу и сгорѣть, и перестояться подъ дождями. Какъ ни ухаживай за скотиной, скоть всё-таки не машина: огуляется-ли во время телка, сколькими поросятами опоросится свинья, задастся ли пѣтухъ, все это въ русскомъ мужицкомъ хозяйствѣ никакъ непредусмотримо, и отсюда основное религиозное чувство мужика, чувство реального ежедневнаго сотрудничества съ Богомъ, съ живою душою земли, съ домовыми и лѣсовыми. Въ прошломъ году у насъ въ хозяйствѣ пропала телка. Три дня всё мы съ утра до поздняго вечера лазили по кустамъ и оврагамъ — нѣтъ и нѣтъ... Совсѣмъ уже отчаялись, но тутъ присовѣтовали дѣвки: «а вы, Ѳедоръ Августовичъ, возьмите корку хлѣба, посыпѣте солью, дойдите до пенушка на перекресткѣ, корку положите и скажите:

«Батюшка лѣсовой,
«Приведи ее домой,
«Выведи ее туда,
«Откуда она пришла!

Обязательно на нее и выйдете». Все вышло какъ по писанному. Громко произнеся заученныя слова (не такъ стыдно было произносить, какъ себя слушать) и положивъ корку на пень, я двинулся къ оврагу, который уже утромъ исходилъ вдоль и поперекъ, а не пройдя и трехъ саженой, наткнулся на свою черно-пѣгую телку!.. Повѣрилъ-ли я въ лѣсовыхъ, я не знаю, но сказать просто «нѣтъ» тоже нѣтъ у меня никакихъ основаній. Для всей же деревни было ясно — лѣсовой вывелъ. Эта вѣра въ благожелательныхъ домовыхъ и лѣсовыхъ какъ и вѣра въ живую душу земли — все что угодно, но только никакъ не мѣщанство. Мѣщанство совсѣмъ въ другомъ и меж-

ду прочимъ и въ ощущеніи этой мужицкой вѣры какъ тупоумія и суевѣрія. Мѣщанину многое ясно, что не ясно ни мужику, ни поэту, ни философу.

Крестьянское чувство земли — очень сложное чувство. Живя всѣ послѣдніе годы въ деревнѣ, я къ нему очень присматривался и уяснилъ себѣ многое, чего раньше не понималъ. Крестьянинъ свою землю любитъ, но эстетическаго образа своего клочка земли онъ не чувствуетъ. Для него земля только нѣдра и ни въ какой степени не пейзажъ. Можно представить себѣ переселенца, который взялъ бы съ собою мѣшечекъ родной земли, но нельзя себѣ представить такого, который захотѣлъ бы взять съ собою фотографическій снимокъ поля, покоса или даже своей усадьбы. Изъ всѣхъ русскихъ писателей Достоевскій, быть можетъ, сильнѣе всѣхъ чувствовалъ землю, но во всѣхъ его романахъ совсѣмъ нѣтъ пейзажа. Тургеневъ былъ величайшимъ русскимъ пейзажистомъ, но чувства земли, ея нѣдръ, ея плодороднаго лона, ея божьей плоти и ея живой души у него нѣтъ. Крестьянское чувство земли очень близко къ чувству Достоевскаго, помѣщичье гораздо ближе къ Тургеневскому. У Достоевскаго и у мужика чувство земли онтологично, у Тургенева и у помѣщика — оно эстетично. Но это онтологически существенное крестьянское чувство земли отнюдь не объяснимо простою житейской зависимостью всего мужицкаго существованія отъ полосы земли. Земля для крестьянина совсѣмъ не орудіе производства, совсѣмъ не то, что инструментъ для мастерового или машина для рабочаго. Машина во власти рабочаго, а крестьянинъ самъ во власти земли. И оттого, что онъ въ ея власти, она для него живая душа. Всякій трудъ на землѣ есть человѣкомъ землѣ поставленный вопросъ, и всякій всходъ на землѣ есть отвѣтъ земли человѣку. Всякій трудъ при машинѣ монологъ съ заранѣе предусмотрѣннымъ эффектомъ, всякій трудъ на землѣ диалогъ съ никогда неизвѣстнымъ концомъ. Въ фабричномъ трудѣ есть нѣчто мертвящее душу, въ крестьянскомъ — животворящее. Потому фабрика ведетъ къ мѣщанской вѣрѣ въ человѣка, а земля къ религіозной вѣрѣ въ Бога. Въ жизни эти прямая линія очень осложняются. Многіе рабочіе вѣрятъ не въ человѣка, а въ Бога. Но это почти всегда крестьяне, работающіе на фабрикѣ. И многіе крестьяне никакъ не вѣрятъ въ Бога, но это уже не люди, а звѣри, и звѣри прежде всего тогда, когда пытаются стать людьми, осудить право, законъ и справедливость. Типичная исторія: поймали у насъ въ деревнѣ конокрада. Сначала хотѣли «прикончить», но потомъ передумали. Постановили свезти въ уѣзд-

ный городъ, въ судъ. До города 30 верстъ, по пути много деревень. Рѣшили въ каждой деревнѣ останавливаться, собирать сходъ и «учить» вора. «Учили» на совѣсть, методично и безъ особой злобы; но до суда не довели. . . . Покойника подкинули въ милицію и концы въ воду. Кто привезъ, на чьей лошади, кто вилъ, кто убилъ? Такъ ничего и не дознались. И всѣ были очень довольны, сдѣлали чисто, по совѣсти. Все это звѣрство, но не мѣщанство. Мѣщанство всегда срединность, а русскій мужикъ, подземный корень Россіи, весь, какъ и она, въ непримиримыхъ противорѣчійхъ.

Всѣ эти пространныя разсужденія мой собесѣдникъ слушалъ съ очень большимъ вниманіемъ и интересомъ, но въ самыхъ главныхъ пунктахъ они его все-же какъ-будто не удовлетворяли. Понятіе буржуазной психологіи, понятіе мѣщанства, очевидно, не имѣло для него того смысла и привкуса, который такъ понятенъ и привыченъ и русскому сознанию, и русскому языку. Онъ явно связывалъ мѣщанство не съ психологическими категориями срединности, самонадѣянности и безрелигіозности, но почти исключительно съ чувствомъ «священной» собственности. Собственникъ ли русскій мужикъ въ европейскомъ смыслѣ слова — вотъ что, очевидно, интересовало его въ первую голову. Какъ было отвѣчать на этотъ вопросъ *европейцу*? Конечно, русскій мужикъ въ извѣстномъ смыслѣ собственникъ до мозга костей. Когда деревня дѣлитъ общественный покось, то не только чужіе, но и родные братья готовы изъ-за поль-косы перегрызть другъ другу глотки, но вѣдь и когда семья хлебаетъ изъ общей миски, то каждая ложка опускается въ миску по очереди и вылавливаетъ только по одному кусочку мяса. Во всемъ этомъ понятіе собственности странно сливается съ понятіемъ справедливости. То же самое и дальше. Какую землю мужикъ считаетъ своей? Въ сущности, только ту, которую самъ обрабатываетъ. Когда революція передала нашу пахатную землю деревнѣ, которая ее безсмѣнно обрабатывала при всѣхъ помѣщикахъ, она приняла ее въ глубинѣ сердца какъ свою. Свою, примѣрно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ кормилицы богатыхъ, свѣтскихъ домовъ считаютъ своихъ выкормышей своими дѣтьми. Правда, она долго колебалась, запахивать-ли, и обязательно хотѣла за нее хоть что-нибудь для формы заплатить, но это только по недовѣрью къ нашей совѣсти, а не по отсутствію вѣры въ свое право. Да, русскій крестьянинъ въ отношеніи земли, конечно, собственникъ, но только съ тою оговоркой, что собственность для него категория не юридическая, но религіозно нравственная. Право на землю даетъ толь-

ко трудъ на землѣ, трудъ, въ которомъ обрѣтается онтологическое ощущение земли и религіозное преображеніе труда. Каждому мужику, выѣхавшему съ восходомъ солнца въ поле, естественно и почувствовать и сказать: «экая благодать», но какъ сказать «экая благодать», сядясь за чинку сапога или пустивъ въ ходъ машину...

Такъ сплетается въ крестьянской душѣ утвержденіе труда, какъ основы земельной собственности, и ощущение воздѣланной земли, какъ религіозной основы жизни.

Все гораздо сложнѣе, чѣмъ въ европейскомъ мѣщанствѣ, для котораго собственность свята потому, что за нее заплатили деньги и ее охраняють законы, или въ европейскомъ социализмѣ, который вообще отрицаетъ всякій духовный смыслъ собственности ..

* * *

Понялъ ли мой собесѣдникъ все то, что я пытался ему разсказать объ интересовавшемъ его русскомъ мужикѣ, или нѣтъ — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ онъ удовлетворился и успокоился, оптимистически рѣшивъ, что если я правъ, то большевики не могутъ долго продержаться въ Россіи, являясь по всему своему міросозерцанію хулителями и отрицателями не только ея хозяйственныхъ, но и ея религіозныхъ основъ. Счастливый европеецъ!

Ф. Степунъ